

Лю Е, выслушав доклад, снова обратился к помощнику министра финансов:

— Чжэн Цю, сколько у нас осталось зерна в государственной казне? И сколько серебра?

Чжэн Цю поднял руку, докладывая:

— Если не учитывать пострадавший от наводнения Цзяндун, налоговые сборы зерном по остальным регионам поступили на восемьдесят процентов. На данный момент в казне имеется двести тридцать четыре тысячи пятьсот даней зерна и семьдесят два миллиона лянов серебра.

Ланьчэн — небольшой городок с населением едва ли в тысячу человек, однако именно здесь проходит самая протяженная граница Да-Юн с северо-западными землями. Даже в обычный базарный день на улицах можно было встретить в десять раз больше ди-варваров, чем коренных жителей Срединного государства. Всякий раз, когда на степных пастбищах иссякала вода и трава, а скот начинал гибнуть от болезней, Ланьчэн первым принимал на себя удар грабительских набегов. Поэтому его жители были практически поголовно обучены военному делу, но даже это не помогало избежать бедствий.

Лю Е, приняв к сведению услышанное, обвел взглядом присутствующих приближенных и продолжил:

— Ланьчэн пал. Какие у вас есть предложения, господа?

Те, у кого уже были заготовлены ответы, по очереди выходили из строя, сложив руки в приветственном жесте:

— Докладываю Вашему Величеству: племя Елюй Ди из числа киданей — самое свирепое из восьми степных племен. Их земли скудны, а народ часто голодает, оттого и рождаются в них мысли о грабеже. Полагаю, стоит отправить послов с пятью тысячами даней зерна и пятью тысячами лянов серебра, и тогда, не пролив ни капли крови и не потратив ни одного солдата, мы заставим их покориться.

— Ныне первый год правления Вашего Величества, а племя Елюй Ди уже осмелилось напасть! Это значит, что они ни во что не ставят нашу династию Да-Юн! Государь, позвольте мне возглавить войско, отбить Ланьчэн и отомстить за смерть великого полководца Северо-Запада!

...

Пока в кабинете императора шли жаркие споры, в главном зале дворца Чанлэ Хуаньси как раз собиралась убедить Цзян Яо отдохнуть.

— Госпожа... — Цзян Яо только опустила белую фишку на доску, как стоящая рядом девушка не удержалась и подала голос. Цзян Яо невольно повернула голову и сделала жест, призывающий к тишине.

Прислушавшись к шуму снаружи, она распорядилась:

— Сходи узнай, что стряслось. Я слышу звук гонга, возвещающий о чрезвычайном происшествии.

Хуаньси, разумеется, тоже слышала этот звук. Едва сдерживаясь, она поклонилась и бросилась прочь. Вскоре она вернулась с новостями:

— Госпожа! Северо-западные кидани совершили набег, и сейчас император созвал министров в кабинете для обсуждения дел.

Цзян Яо замерла с фишкой в руке, вглядываясь в доску. Медленно она поставила фишку в самое сердце позиции, которую можно было назвать загнанным зверем, и некоторое время хранила молчание. Звук падающего камня заставил Хуаньси засомневаться. Посмотрев на доску, где белые фишки в одно мгновение могли поглотить огромную часть владений черных, она поняла, что исход партии решен. Она уже хотела предложить императрице отдохнуть, но увидела, что Цзян Яо медленно убрала руку, достала из рукава письмо и произнесла:

— Передай это письмо в резиденцию князя Цзян за пределами дворца. Затем передай мое распоряжение: пусть на императорской кухне приготовят для государя суп из семян лотоса с белыми древесными грибами, чтобы он немного остыл.

Хуаньси, видя загадочное выражение лица госпожи, не до конца понимала ее реакцию на военные вести, но, будучи далекой от государственных дел, лишь растерянно кивала. Спрятав письмо, она уже собралась уходить, как Цзян Яо окликнула ее снова:

— Передавая письмо, добавь: если еще раз посмеют тайно проносить во дворец запрещенные книги, отвечать будут по законам семьи.

Получив приказ, Хуаньси проворно повернулась и вышла.

...

— И зачем я только содержу эту кучку никчемных людей!

На следующее утро, закончив утреннюю аудиенцию, Лю Е прямым направлением во дворец Чанлэ. Едва переступив порог, он раздраженно выругался. Хуа Байхэ, которая всю ночь переписывала наказание, причем специально заменила имя Цзян Яо на титул императрицы, так устала, что у нее ныли запястья. Когда она подавала императору чай, рука едва не дрогнула.

Лю Е взял чашку, мельком взглянул на нее, поняв, что это обычная дворцовая служанка, и перевел взгляд на грациозно приближающуюся Цзян Яо. Та, заметив усталость Хуа Байхэ, незаметно заслонила ее собой и улыбнулась императору:

— Что случилось, государь? Кто посмел вызвать ваш гнев?

Лю Е, возможно, был слишком взбешен, чтобы скрывать правду, и даже жестом показал масштаб проблемы:

— Ланьчэн пал, великий полководец Су Ху погиб в бою! И при этом, начиная с трех часов ночи, целых шестьдесят процентов этих столпов государства выступают против начала войны! Видимо, они слишком привыкли к мирной жизни, вцепились в свои удовольствия и не хотят их отпускать. Все они превратились в степных полевок: стоит услышать шорох, как тут же стремятся зарыться поглубже в землю!

Чем больше говорил Лю Е, тем сильнее распалялся. Он открыл крышку чашки и сделал большой глоток, но в горечи, имевшей правильную температуру, внезапно ощутил легкую сладость. Он замер, скосил глаза на плавающие в чашке лепестки, присмотрелся, усмехнулся и посмотрел на Хуа Байхэ:

— Это ты заварила мне чай?

Хуа Байхэ еще с утра узнала о событиях в зале совещаний и понимала, что Лю Е непременно заглянет в Чанлэ. Переживая за Цзян Яо, которой предстояло выслушивать его гнев, она проявила смекалку — заварила ему чай с хризантемами, щедро добавив леденцовый сахар.

Цзян Яо, почувствовав неладное, заглянула в чашку и, увидев распустившиеся цветы, не знала, смеяться ей или плакать, но сохранила невозмутимость, взяв вину на себя:

— Вчера я велела на императорской кухне приготовить для вас суп, чтобы унять жар, а сегодня подумала, что вам стоит попробовать этот цветочный чай, действие у него схожее.

Лю Е приподнял веки, взглянул на нее, распробовал оставшуюся во рту сладость и усмехнулся:

— Вы, женщины, вечно любите всякие цветочки-травинки...

Впрочем, он знал, что Цзян Яо всегда помнила о его любви к чаю Лунцзин и не стала бы внезапно преподносить такой сюрприз. Он поставил чашку на столик и добавил:

— Эта служанка при императрице довольно неплоха, иногда, когда на душе тошно, может и позабавить.

Хуа Байхэ: «...Тьфу!»

Императору было не до мыслей служанки. Покрутив на пальце нефритовую костяшку, он снова посмотрел на императрицу:

— Что меня радует, так это князь Цзян. Он еще молод, и вельможи вечно упрекают его в невежестве, но сегодня на совете он первым вызвался возглавить войско и уничтожить врага. А эти великие ученые — все их знания, почерпнутые из мудрых книг, словно псу под хвост ушли!

Цзян Яо мягко успокоила его:

— Государь, умерьте гнев. В конце концов, все они — ваши подданные, преданно служащие Да-Юн, просто сейчас они немного сбиты с толку...

— Хорошо же они сбиты с толку! — отрезал Лю Е. — По-моему, они просто забыли наставления великих предков!

Цзян Яо еще немного поубеждала его, и в конце концов гнев императора утих. Он остался на обед во дворце Чанлэ. Однако сегодня он задержался надолго, и после трапезы с большим воодушевлением принялся рисовать орхидеи вместе с Цзян Яо, слушая, как она хвалит его работу за воздушность и гордый, не знающий соперничества дух.

Держа кисть и глядя на бумагу, он долго пребывал в задумчивости, а затем вдруг произнес:

— Императрица, со времен основателя династии северо-западные кидани раз за разом совершают набеги. Четыре поколения императоров Да-Юн неизменно давали им деньги и зерно, и что в итоге? Мы лишь вырастили этого неблагодарного зверя еще крупнее.

Цзян Яо молчала, лишь тихо слушая.

— Я не могу больше сидеть сложа руки и смотреть, как эта сердечная болезнь прогрессирует, — сказал Лю Е.

Цзян Яо поняла, что решение принято. Она подняла взгляд, и их глаза встретились. Голос императора прозвучал решительно:

— Я решил лично возглавить войско.

В следующее мгновение Цзян Яо опустилась перед ним на колени. Лю Е хмыкнул, бросил кисть на стол и спросил:

— Хочешь отговорить меня?

К удивлению императора, Цзян Яо ответила:

— Как мать государства, я обязана давать советы государю. Вы — основа страны, и вам ни в коем случае нельзя подвергать себя опасности.

Сердце Лю Е начало остывать. Он уже хотел было пройти мимо, не оборачиваясь, но Цзян Яо продолжила:

— Но я знаю, что с двенадцати лет вы мечтали положить конец набегам ди-варваров, которые повторяются каждое десятилетие. Я много лет сопровождала вас и не могу не желать, чтобы этот день настал.

Император замер и обернулся:

— Яо-Яо... — он поспешил обратно к ней.

Цзян Яо, которую он попытался поднять за руки, не встала, продолжая держать голову опущенной:

— Государь, мои слова идут вразрез с долгом императрицы, я знаю, что виновна.

В глазах Лю Е уже светилась нежность:

— Лишь императрица понимает меня. Иметь такую жену — великое счастье для Да-Юн.

Хуа Байхэ, стоявшая в углу и старавшаяся быть невидимой, наблюдала за этой сценой супружеской любви. С того самого момента, как Цзян Яо открыла рот, показатель над ее головой — двадцать два — начал стремительно расти, и даже дойдя до сорока пяти, останавливаться не собирался.

Она про себя вздохнула, обращаясь к Системе:

— Эту пару я выбираю!

Система выдохнула с облегчением.

— А насчет главной героини я передумала, — добавила она. — Можно мне подумать о второстепенных персонажах?

Система:

— Кто?

Хуа Байхэ:

— Хи-хи, как думаешь, Шэнь Цинъюй подойдет?

Система:

— [Ты что, хочешь довести своего отца до смерти?.jpg]

...

Вскоре весть о том, что император лично возглавит поход, потрясла всех при дворе. Меморандумы от чиновников посыпались в дворец, словно снег. Благородная наложница Лян и вдовствующая императрица, вытирая слезы, пытались отговорить государя, но, увидев твердость его намерений, вдовствующая императрица в гневе заставила императрицу встать на колени и простоять так весь вечер.

Когда ночью Цзян Яо вернулась, Хуаньси, растирая ей посиневшие колени, сама расплакалась. Цзян Яо не выносила слез близких, поэтому отослала ее, позвав на помощь Цинцзя.

Хуа Байхэ работала ловко, разминая колени с нужной силой, но почему-то чувствовала, что взгляд Цзян Яо постоянно скользит по ее шее, отчего становилось немного зябко.

Вскоре Цзян Яо заговорила:

— Знания, которые ты передала мне в прошлый раз, оказались полезными. Недавно я раздобыла кое-какие вещицы.

Хуа Байхэ, не ожидавшая, что речь пойдет об этом, опешила. Она подняла голову и увидела, что Цзян Яо указывает на сундук в углу зала. Пришлось ей, поправив штанины, подойти к сундуку. Открыв крышку, Хуа Байхэ увидела в центре нефритовый фаллоимитатор. Рядом лежали странные перья, серебряные колокольчики и прочие предметы.

Пока она пребывала в изумлении, Цзян Яо, уже успев обуться, подошла к ней сзади и прошептала:

— Император скоро уедет, и я хочу оставить ему незабываемые впечатления на эту ночь. Как думаешь, стоит ли мне сделать ему такой подарок?

Хуа Байхэ с облегчением выдохнула: «О, так она хочет показать мне супружеские утехи».

— Государь непременно будет помнить о вас вечно, — похвалила она.

Цзян Яо улыбнулась, и ее прекрасное лицо в свете ламп стало необычайно ярким. Она нежно посмотрела на Хуа Байхэ:

— Правда?

А затем добавила:

— А ты?

Хуа Байхэ: «...А?»

Цзян Яо заглянула ей прямо в глаза:

— Что из этого заставит тебя помнить обо мне вечно?

...

Спустя полмесяца подготовки первая партия зерна Да-Юн отправилась к границе. Лю Е,

отобрав лучших воинов, с двумя тысячами элитных солдат и пятью тысячами столичных стражников выступил на северо-запад.

Всего боеспособных сил у киданей было не более тридцати тысяч, а воинов племени Елюй Ди — менее восьми тысяч. Стало ясно, что Лю Е намерен уничтожить их всех до единого.

При дворе были поражены тем, что император не только настоял на личном участии в походе, но и хотел взять с собой императрицу. Если бы не престарелые цензоры, которые угрожали разбить головы о ступени дворца, лишь бы отговорить его, это маленькое желание императора могло бы исполниться.

Глубоко сожалея, накануне отъезда он остался на ночь во дворце Чанлэ, и свечи там горели до самого рассвета. По иронии судьбы, в ту ночь дежурила Хуа Байхэ. Внешне она сидела у двери во внутренние покои, сохраняя невозмутимый вид, но в душе мечтала наострить уши, чтобы уловить хоть малейший звук.

Сначала было тихо, но вскоре слышались тихие, прерывистые стоны. Хуа Байхэ не могла разобрать слов, лишь вздохнула про себя:

— Эх, вот в чем минус кровати Цзян Яо — слишком уж крепкая.

Ей оставалось лишь слушать эти нежные, мелодичные вскрики.

Система:

— [Чего тебе еще надо?.jpg]

...

К утру звуки стихли. Хуа Байхэ, изнывая от жары в натопленном дворце, едва не уснула, и когда император утром приказал войти, она несколько секунд не могла прийти в себя.

Когда она принесла воду для умывания, то увидела, как Цзян Яо, присев на корточки, старательно завязывает шнурки на мягком доспехе Лю Е. Она хотела было перехватить у нее это занятие, но Цзян Яо отвела руку:

— Ты не знаешь устройства походного доспеха, оставь это мне.

Затем она велела ей сходить на маленькую кухню и принести мягких сладостей.

— Путь будет тяжелым, — нежно обратилась она к императору. — Если с утра жевать сухие лепешки — проглотить трудно, а каша — не всегда удобно. Потерпите, государь, перекусите пока сладостями, которые любят женщины.

Лю Е рассмеялся:

— А ты все помнишь тот случай с цветочным чаем... Как можно называть угощение, приготовленное императрицей, «терпеть»?

Хуа Байхэ, ставшая свидетелем такой идиллии, тихо удалилась. Выйдя из комнаты, она потянулась и зевнула:

— Система, почему Цзян Яо так любит играть со мной?

Вопрос, заданный той ночью, все еще крутился у нее в голове.

— Что из этого заставит тебя помнить обо мне вечно?

Тогда она отшутилась:

— Госпожа, хоть я и простая служанка, но знаю, что здесь собраны лучшие нефриты и серебряные украшения. С тех пор как я стала служить вам, я должна была бы привыкнуть, но... я все же обычный человек, и при виде золота, серебра и нефрита не могу отвести глаз. Если хотите меня наградить, я заранее благодарю.

Цзян Яо тогда долго смотрела на нее горящим взглядом, отчего сердце Хуа Байхэ бешено колотилось, но в ответ она слышала лишь многозначительное:

— Значит, тебе нравится всё?

Хуа Байхэ изобразила застенчивую алчность, и... ее выставили за дверь.

Она жалела, что не может сама «подкатить» к прекрасной императрице, но, видя их любовь с императором, недоумевала, почему она, простая служанка, привлекла внимание госпожи.

— Может, ей просто скучно жить во дворце, и она тебя использует для развлечения, — сказала Система. — Главное, чтобы не так, как ты думаешь.

Хуа Байхэ с каменным лицом ответила:

— Пользователь заблокировал ваши сообщения.

...

Обменявшись парой колкостей, Хуа Байхэ по пути на кухню попросила:

— Передай мне еще раз сценарий этого мира. Мне кажется, что читать только первую часть — не самая лучшая идея.

Система:

— [Ты, видимо, хочешь свести своего отца в могилу.jpg] [Загрузка данных.zar]

Хуа Байхэ проигнорировала ее ворчание и сравнила с реальностью. В гареме пока тихо, Шэнь Цинъюй не борется за внимание, а та самая сестра, будущая Благородная супруга Цзя, которая станет заклятым врагом императрицы, еще даже не появилась. Но вот война на северо-западе началась раньше, и император лично возглавил поход...

Хуа Байхэ замерла, в голове возникла дерзкая догадка:

— Система, может, есть еще другие агенты, которые изменили ход событий?

Система угрюмо ответила:

— Я — новая системная разработка, мой рейтинг низкий, права доступа ограничены, я не могу знать, что делают другие отделы.

Хуа Байхэ лишь хмыкнула, подумав на Шэнь Цинъюй — ту самую бабочку, которая не только выжила, но и немного изменила свою судьбу. Затем она сосредоточилась и принялась читать остаток сюжета.

Судьба Цзян Яо оказалась куда страшнее, чем она думала. После того как ее ложно обвинили в ревности и потере ребенка Благородной супругой Цзя, она впала в депрессию, потеряла своего собственного недоношенного ребенка и подверглась холодному обращению со стороны императора.

Дворец Чанлэ пришел в упадок. Самых верных слуг она отослала из дворца, и в огромных покоях осталась одна. Императрица Да-Юн докатилась до того, что над ней издевались присланные Благородной супругой Цзя слуги, заставляя терпеть холод и голод. Вскоре она слегла с болезнью.

Император, услышав об этом, все же навестил ее один раз, вспомнил былые чувства и жестоко наказал тех, кто издевался над ней, намереваясь даже вернуть ей почести. Но вскоре, во время празднования шестидесятилетия вдовствующей императрицы, кто-то подсыпал Цзян Яо странное зелье из Западных земель. Всегда кроткая и утонченная, она опозорилась перед всем двором, уронив честь императорской семьи.

Лю Е не смог стерпеть стыда и не нашел слов, чтобы оправдать ее. На следующий день он издал указ о лишении ее титула императрицы и отправил в Холодный дворец на покаяние. В то время Цзян Яо уже четыре месяца как была беременна вторым ребенком.

Она скончалась от холода в Холодном дворце вместе с ребенком, которому так и не суждено было увидеть свет.

Дочитав историю, Хуа Байхэ замерла. Она не могла представить, чтобы такая блестящая Цзян Яо могла так закончить, и, входя на кухню, споткнулась о порог, едва не выбив себе зубы.

...

Три четверти часа спустя.

Лю Е давно уехал. На столе остались лишь пара остывших пирожных с зизифусом и просяных хлебцев. Цзян Яо сидела перед зеркалом, медленно расчесывая свои прекрасные волосы. Когда Хуа Байхэ вошла убрать остатки трапезы, она неожиданно спросила:

— Это ты дежурила ночью?

Хуа Байхэ отозвалась, машинально переведя взгляд в ее сторону, но по правилам задержала его лишь на белоснежной коже ее подбородка. Цзян Яо долго молчала, а затем холодно бросила:

— Сходи в Ведомство внутренних дел, позови Цзян Дэшэна во дворец Чанлэ. У меня есть для него поручение.

Хуа Байхэ кивнула и вышла. Едва покинув покои, она увидела служанку Шэнь Цинъюй, Чуньтао, которая, сжимая в руках платок, тревожно расхаживала неподалеку от дворца Чанлэ.

<http://bllate.org/book/22171/2309619>